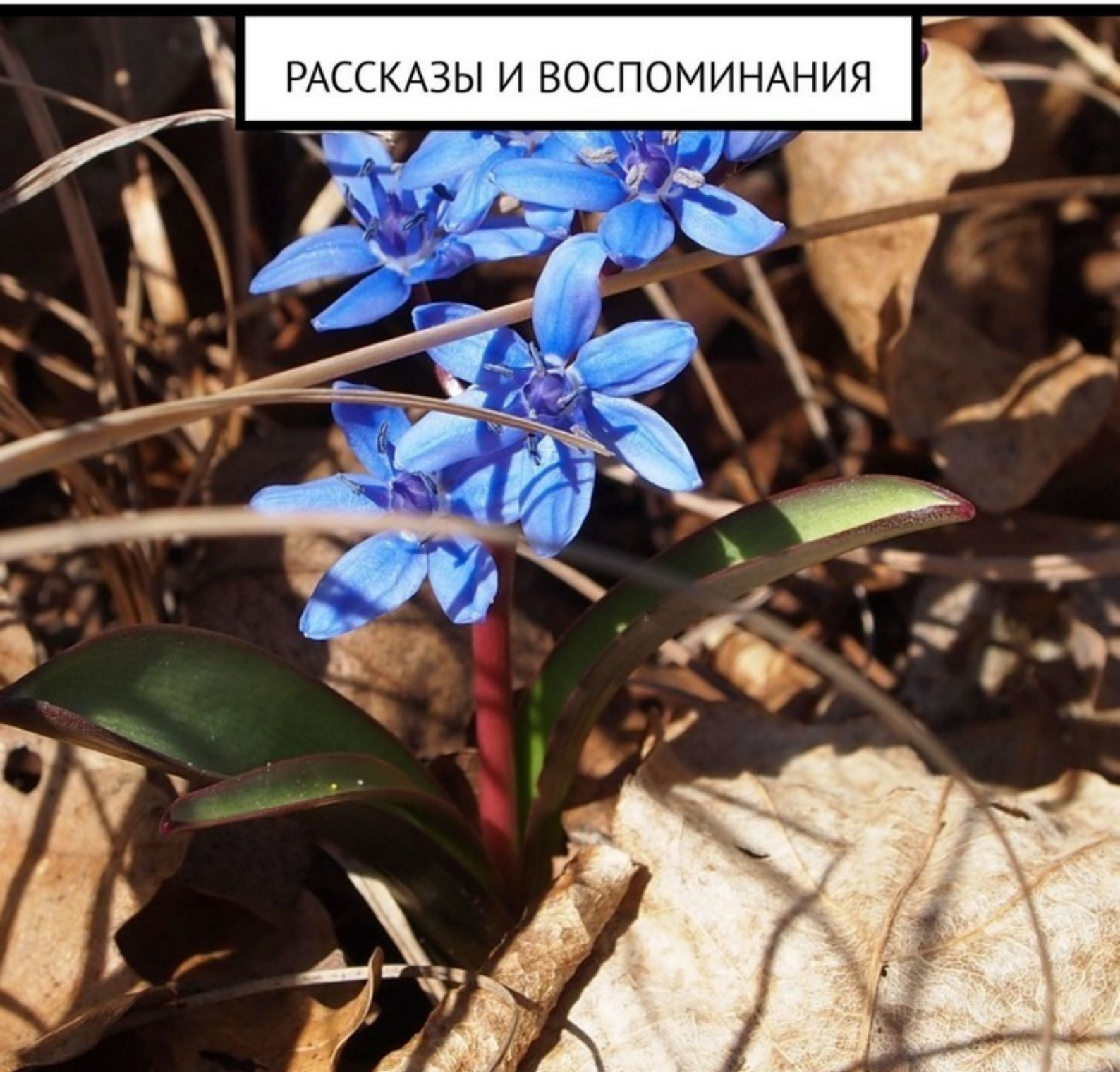

ВЛАДИМИР СПИРТУС

ПРИНЯТЬ ПОДАРКОМ ЖРЕБИЙ СВОЙ

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир Спиртус

**Принять подарком жребий свой.
Рассказы и воспоминания**

«Издательские решения»

Спиртус В.

Принять подарком жребий свой. Рассказы и воспоминания /
В. Спиртус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938644-1

Почти все, вошедшее в книгу, связано с реальными событиями из биографии автора. Неслучайно местом действия рассказов являются Киев или родной писателю Крым. Это — попытка честно взглянуть на узловые моменты своей жизни с высоты выстраданного православного мироощущения. В воспоминаниях Владимир Спиртус рисует картины детства, описывает незабываемые духовные встречи в Киеве, путешествия-паломничества в Псковские края и Грузию. Язык повествования нетороплив и легок, с окраской импрессионизма.

ISBN 978-5-44-938644-1

© Спиртус В.
© Издательские решения

Содержание

РАССКАЗЫ	6
СКУЧНО БЫТЬ ПРАВИЛЬНЫМ	6
ЛИДА	8
ПРОСТИ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ	12
ФОНАРИ СТАДИОНА	15
ТАК КАК ДОЧКА КАПИТАНА	18
ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ ПЕРЕД УХОДОМ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Принять подарком жребий свой Рассказы и воспоминания

Владимир Спиртус

© Владимир Спиртус, 2019

ISBN 978-5-4493-8644-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

СКУЧНО БЫТЬ ПРАВИЛЬНЫМ

В советскую эпоху в школе лучшим ученикам выдавали похвальные грамоты в конце каждой четверти и учебного года. На них золотыми буквами было написано: «за хорошую учебу и примерное поведение» или «за отличную учебу и примерное поведение». Украшенные красными знаменами и портретами вождя, эти листы со временем шли на растопку или пылились где-то на чердаках. Но тогда, особенно в младших классах, они являлись предметом особой гордости родителей.

Толик был среднего роста, круглоголовый, с улыбчивыми серыми глазами. Учился он хорошо, благодаря цепкой памяти и способностям, однако благонравием не выделялся. Напротив: то с кем-то подерется, то болтает на уроках. Фамилия у него была Кривенко, и ребята прозвали его «кривым». Прицепили такую обидную кличку. На каждом шагу вместо имени – кривой да кривой, и ничего с ними не поделаешь...

Толе не нравились тихие, аккуратные девочки, бойко тянувшие руку на вопросы учителей. Не по душе был и Алик Сычев: белокурый, всегда ходивший в отутюженных брюках, спокойный и безупречный. Уж он-то неизменно получал похвальные листы... Кривенко за подобной «тишью и гладью» мнилось нечто мертвенно-скучное.

– Хуже круглого отличника только круглый дурак. Нет, это не для меня, – решил он. – Тоска зеленая.

Отец и мама Толи были очень занятые люди. В основном он находился на попечении бабушки Веры. Ее все знакомые родителей называли по отчеству: Ефимовна. Это была невысокая худенькая хлопотливая старушка с ясным лицом и на удивление звучным молодым голосом. Зачастую она тихонько что-то напевала. В воскресные и праздничные дни Ефимовна ходила в церковь. Несмотря на больные ноги, она редко сидела на одном месте, разве что со старинной «божественной» книгой в руках.

– Чего ты, Толичек, к приемнику прилип, ну что в той музыке хорошего?

– Да, бабушка, ты в ней ничего не понимаешь. Ансамбль есть такой: «Биттлз» называется. Классно играют...

– Ох, не научит тебя добру это радио. Ты бы лучше послушал, как в Церкви поют.

– Ну, я ведь ходил с тобой раньше, надоело. И не надо снова вспоминать про овечек и козлов. Довольно с меня...

Кажется, бабушка сильно огорчилась, но ничего не сказала. Покачала головой и ушла к себе.

С той поры прошло лет сорок, а может быть и больше. Ефимовна давно покоилась на старом городском кладбище, умер и Толин отец. Анатолий Федорович уже имел жену, двух взрослых детей и приличную должность в солидной фирме.

Однажды вечером супруга ему сказала:

– Знаешь, наш Коля со своей новой девушкой стал ходить в церковь.

– Да ну! – удивился отец.

Через день у него с сыном состоялся такой разговор.

– Мне мама сказала, что тебя Нина по храмам разным водит...

– Почему Нина водит? У меня своя голова есть.

– И тебе там нравится?

– В общем, да...

– Что же там интересного? Сахар сахарный... И потом – это ж все средневековые дремучее. Ты ведь живешь в двадцать первом веке!

– Знаешь, папа, не будем спорить. Говорят, что в споре рождается истина. Но не в таких вопросах. Я побежал, пока!

Полетели снова будни, заполненные напряженной работой и разными хлопотами. Анатолий Федорович с затаенной досадой вспоминал про разговор с сыном, но «давить» на него не хотел – бесполезно, парень уже взрослый.

Однажды он поздно пришел домой с тяжелой головной болью. Быстро перекусил, чмокнул в щеку свою расплывшуюся с годами половину и лег в неубранную с утра постель. Снилось Кривенко сначала всякая ерунда, он почти ничего не запомнил. Будто идет куда-то в одном дырявом носке и грязной футболке. А одноклассник Димка кричит на всю улицу:

– Кривой, кривой, пошли раков на речку ловить...

И вдруг возникает присутствие покойной бабушки, хотя явно он не видит ее. Раньше бабушка Вера никогда ему не снилась. Ощущается за ней свет какой-то, можно сказать приглушенное сияние. Такая она радостная...

– Толя, внучек, слышит. – Что ты в свою работу уперся и света бела кроме нее не видишь? Пора уже и о душе своей подумать. Смотри, поздно будет. Гляди, Коленька то твой поумнее тебя оказался...

Анатолий поднялся с каким-то новым для себя чувством. Проникший из-за окна солнечный луч высвечивал возле штор тонкий шлейф пылинок. Пережитый сон всколыхнул в глубине сознания что-то давно забытое, детское. Вспомнилось одно зимнее утро, когда так не хотелось рано вставать, а бабушка наскоро одела его и почти тянула за собой на какой-то большой и важный церковный праздник.

Старый храм был заполнен молящимися людьми. Дьякон отец Василий в выдавшем виды подряснике обходил его с дымящимся мерно взлетающим кадиллом, внимательно и строго вглядываясь в лица. Толик почему-то отвернулся от этих добрых испытующих глаз. Сладкий запах ладана, тягучее пение на клиросе, малиновые, светящиеся изнутри лампадки возле икон – все это, однако, погружало мальчишеское сердечко в особый удивительный мир. Что-то вроде сказки, но не волшебной, которая тает и исчезает, а взаправдашней, хотя и далекой. Впрочем, Толя не смог бы выразить словами это чувство. Оно было как промелькнувшая странная фраза в пении: «Радуйся, Невесто Невестная!».

Анатолий Федорович посмотрел на часы. Надо было ехать на работу. Жена заварила ему в красивой чашечке крепкий кофе. Он привычным движением завязал галстук и сделал пару глотков. Закусил бутербродом с сыром, взял дипломат и вышел к лифту на лестничную площадку. Садясь в свой Мерседес, Кривенко уже обдумывал предстоящий разговор с клиентом.

Вдруг вспомнился давешний сон и, почему-то, как однажды спросил он у бабушки Веры:

– А что делают люди в Раю?

– Мы знаем только, что там очень хорошо, – отвечала старушка. – Просто чудесно. Ангелы непрестанно благодарят Бога и поют: «Свят, свят, свят...».

– Да, ладно, – сказал себе Анатолий Федорович, включая радио «Шансон».

– Куда ни кинь – все грех. Это же – не жизнь. Нет, бабушка, мы еще попрыгаем, – подумал он. Лицо его победно помолодело. Уж очень скучно быть правильным...

ЛИДА

*Чисты просторы,
Снежны дали,
Лодчонку утлюю луны
Шальные облака скрывают,*

*Все ж вновь и вновь она летит,
То появляясь, то ныряя,
А ключ в руке моей дрожит,
В проем замка не попадая...*

О смерти Лиды Васюков узнал не сразу. Уже прошло три года после того, как ее не стало. Узнал вроде бы случайно, из Интернета, от обнаруженной за границей старой знакомой. Новость ошеломила, обожгла. Неужели он больше никогда ее не увидит? Не может этого быть! Как же так? Хотя они не виделись давным-давно, для него Лида оставалась одним из самых близких людей на свете...

Познакомились они, когда им было по семнадцать-восемнадцать. Кажется, их пути пересекались и раньше. Впрочем, попытки Васюкова вспомнить самую первую встречу успеха не имели. В фамилии Лиды были звуки «Р» и «Ж». За «Р» виделось что-то яркое: розы, рокот волн, а «Ж» – теплое, как жужжание пчелы. Фонемы каким-то образом отражали облик девушки. Васюков, по отцу интеллигент в третьем поколении, вдумчиво относился к фонетике. Сочетания звуков были для него чем-то вроде магических чисел в Каббале для евреев.

Скорее всего, их встреча произошла в читальном зале областной библиотеки. Здание ее располагалось в центре южного города на тихой улице, усаженной старыми каштанами. Особая атмосфера уюта возникала здесь по вечерам, когда за столами зажигались зеленые настольные лампы, а высокие своды зала погружались в задумчивый полусумрак...

У Васюкова сильно болело колено. Мучил возникший после серьезной травмы артроз. Он пробовал разные процедуры и мази, но особых улучшений не было. Из кухни позвала жена: – Мне звонила Ленка. Я должна зайти к ней ненадолго. Помой, зайка, посуду. Только с горчицей и хорошенько, там есть жирные тарелки.

«Зайка» посуду мыть не любил. Мысленно он снова перенесся в читальный зал. Васюков обычно набирал сразу по несколько книг и журналов. Рядом со свежими номерами «Юности» и «Нового мира» перед ним зачастую лежали «Диалоги» Платона или «Опыты» Монтеня. Оказалось, что и Лиду интересуют подобные вещи. Она была даже очень неглупа. Но зацепило его не это, а скорее какие-то глубокие, округлые ноты, исходившие от ее юного существа. Такой стереозвук был тогда у приемников типа «Беларусь», не сравнить с расхожими транзисторами.

Читал Васюков бегло и взахлеб, иногда перескакивая с одного на другое. Все было ему внове, перед его воображением и умственным взором открывались захватывающие дали истории и культуры.

После середины шестидесятых годов тупая тяжесть официоза советской идеологии становилась все несносней. В воздухе носились идеи зарождающейся «чешской весны». Стихийно у нескольких человек сложилась идея где-то собраться и обсудить волновавшие всех темы. Состоялось, кажется, несколько таких сходок. Больших последствий, как у будущих диссидентов, эти встречи не породили. Но на фоне горячих слов о свободе, демократии и партийных чиновниках было выпито немало бутылок дешевого портвейна. Под аккомпанемент неза-

мысловатой закуски и песен Высоцкого завязались отношения, давшие начало переплетению дружб, симпатий и судеб. Васюков, Лида и Славик стали частью «маленькой такой компании».

Внешне Лида не выглядела эффектно, как иные броские девушки. Несколько широкое ее лицо украшали большие карие глаза и распущенные длинные пряди волос. Безусловно, обаяние ее открытой натуры, девичья свежесть, высокая грудь и гортанные оттенки голоса произвели определенное впечатление на Васюкова. Довольно сильное. С каждой встречей где-то в груди все росла и углублялась потаенная тихая радость. Несмотря на возраст, когда очень хочется «всего и сразу» ему было очевидно, что Лида не из тех девчонок, с кем можно просто погулять. На таких надо жениться. Но тогда Васюков и думать не мог о подобных вещах, настолько и внутренне, и в материальном отношении был совершенно не готов к браку. Он это хорошо понимал.

Вскоре состоялось более близкое знакомство Васюкова и Лиды. Тут же рядом возник и Славик. Он был чуть выше среднего роста, худощав, с прямым «шнобелем» посреди вытянутого лица, тонкими губами и маленькими, блестящими глазами. Его отличала порывистость речи, брызжущее остроумие и постоянная всепроникающая ирония. Васюкову поначалу Славик не понравился. Не понравился какой-то своей юркостью и постоянными хохмами-каламбурами. Не то, чтобы новому знакомому были чужды высокие и серьезные темы. Но, пожалуй, как рыба в воде Славик чувствовал себя в атмосфере раскованного застолья, умных споров с изрядной приправой злословия, легкого и тонкого флирта в своем кругу. Он умел создавать такой фон и буквально купался в нем. Конечно, это вполне проявилось впоследствии.

Почему-то Васюков «повелся» на стиль поведения Славика. Барьер первоначального неприятия был скоро разрушен. Сыграли тут роль живая непосредственность и обаяние личности нового друга? Вступили в действие некие инфернальные силы?

Вернулась жена от соседки. Она сильно спешила, даже запыхалась. Сняла с плеча сумку и повесила на крючок в коридоре. Достала из нее капусту и кабачки. Скинутые поношенные шлепанцы со следами мокрой глины стали под углом в девяносто градусов.

– Ты опять засел за компьютер?

– Я только полчаса назад включил. Ничего еще не успел...

– Смотри, потом будешь опять сидеть с красным как свекла лицом. И пустырник тебе не поможет.

Она, конечно, права по-своему. Жена у него – золото, но забота ее иногда раздражает. Хотя она, безусловно, права...

Васюков продолжал вспоминать. Первая совместная вылазка с Лидой и Славиком на природу. Тут уже они основательнее пригляделись друг к другу. Поехали тогда не очень далеко от города: в район предгорий и карстовых пещер. Так, чтобы вернуться засветло. Беззаботно болтая, они то углублялись в буковый лес, то обходили груды валунов, натываясь на колючие заросли ежевики. Иногда присаживались, задерживаясь на опушках солнечных полян, где стрекотали кузнечики. Вокруг зрел кизил на высоких кустах, отцветали зверобой и Melissa.

Тон задавал Славик, он почти не умолкал, как и положено, если хочешь «охмурить» барышню. Тема разговора постоянно менялась. Лида держала себя естественно и просто, внимательно и добро глядела своими карими ясными глазами. Поощряя, и в то же время с подтекстом:

– Ну, давай, давай, продолжай трепаться...

У Васюкова, наверно, тоже были какие-то шансы. Однако он не ставил перед собой амбициозных задач и отдал инициативу Славiku. Идеалисты всегда проигрывают прагматикам...

День прошел роскошно: празднично и радостно, как редкий подарок судьбы, из тех, что глубоко прогревают душу и могут служить ей утешением в грядущих передрягах.

Славик ковал железо, пока горячо и вел себя очень напористо. Вскоре он добился благосклонности Лиды, и она забеременела. Осенью того года Васюков перевелся на второй курс, в считавшийся престижным университет и уехал в другой город.

А в следующем году была еще одна памятная поездка. На этот раз на море и впятером. К их компании присоединились школьный товарищ Славика Валентин со своей подругой Люсей. Это был интересный типаж, отличавшийся изысканностью в одежде, вдумчивостью в поведении и большими претензиями к каждому произнесенному слову. Миловидная его девушка старалась, как могла, попасть ему в тон.

Самодеятельная группа поставила две палатки в пятидесяти метрах от берега моря, недалеко от знаменитых античных развалин. Несколько дней они провели в прогулках, купаниях с большими заплывами, веселой, остроумной болтовне и задушевных беседах за походной едой и вечерними кострами. Ночами на небосводе туманился млечный путь, ослепительно сияли яркие звезды, глухо рокотали волны и лаяли собаки вдали.

Поблизости от них никого не было, только за грудой камней на берегу стояла еще одна брезентовая палатка и иногда доносились оттуда отдаленные голоса. С растопкой для костра вообще-то дело там обстояло туго. Один раз Васюков обнаружил сравнительно близко от чужой палатки запас жердей и щепок и ничтоже сумняшеся приволок к своему кострищу. «Грабеж» этот он совершил, конечно, неосознанно, занятый какими-то своими мыслями. Лида впоследствии часто с улыбкой вспоминала забавный случай.

– Где ты взял это хозяйство?

– Да вон там лежало, – сказал Васюков, полуобернувшись и показывая вытянутой рукой.

– Наверно, те ребята собирали или, может, с собой привезли...

– Ты думаешь? Ну и что теперь делать, отнести им назад?

– Да ладно уж. Извинимся, если что...

Выяснить отношения никто не пришел.

В те времена Васюкову нравились девушки, державшие себя свободно и раскованно, похожие на актрис из итальянского кино. Может потому, что с ними ему, стеснительному, было легче и проще. Он уже пробовал курить, и, втянувшись потом, долго не мог оставить эту привычку. Лида тоже вроде бы баловалась этим делом. У нее были сигареты «Трезор» с симпатичной собачкой на обложке. Несколько раз Лида угощала Васюкова и они вместе задумчиво дымили, сидя на берегу. Вроде бы мелочь, пустяк, но, пожалуй, именно тогда между ними возникло какое-то глубокое душевное понимание, взаимная симпатия и сочувствие, словно заключенный незримый союз...

Студенческое общежитие Васюкову дали только на последнем курсе. Ему пришлось снимать квартиру. Он впервые вырвался из-под опеки родителей, но радости от этого хватило ненадолго. Все было чужим: дома, люди, обороты их языка, сам воздух вокруг. К тому же и наука, которую надо было постигать, стала казаться сухой и черствой. Росло ощущение, что это все не его. Но довлекла мысль, что так надо, и он терпел, стиснув зубы, как вынужденную ссылку, как полученный срок, который надо отмотать. Сдавал сессии, и даже неплохо, а при любой возможности возвращался хоть на несколько дней в родные края.

Родительский кров, однако, тяготил Васюкова. Расспросы матери, тревогу за него, оставлял без ответа. Он не мог себя заставить играть по ее правилам. Не устраивал его общий уклад и стиль жизни, ставший ему, повзрослевшему, обременительным, не совпадающим с его устремлениями. Объяснить же ничего родителям не мог, да и не пытался... Конечно, он вел себя как эгоист.

А у Славика и Лиды ему хорошо было даже просто молчать – настолько они на одной волне. Внешне выглядело так, что он дружил со Славиком и ходил к нему. Тот петушился, сыпал анекдотами, брал с собой Васюкова туда и сюда. А очаг был вокруг Лиды, ее ясных глаз и душевного тепла.

– Привет, ну, давай заходи! Картошку жареную будешь есть? Славик скоро должен прийти, подождешь?

– Да, посижу... Я не спешу. А что за книжка, можно глянуть?

– Кто-то из французских поэтов. Валентин принес. Мне не особо нравится...

Ты ешь, не стесняйся. И колбаску бери. А хочешь, есть немного белого грузинского вина?

Окончив университет, Васюков вскоре женился. Ему было тогда двадцать два. Брачный союз его продержался около десяти лет. Наташа, несколько экзальтированная симпатичная брюнетка, работала в больнице медсестрой. Она не отличалась особым умом или тонкостью чувств, но Васюков тогда это считал неважным. Главным казалась ее горячая любовь к нему. Все говорили, что они не пара. Надо отдать должное Наташе. Она старалась войти в культурное поле Васюкова, в мир его интересов. Правда, у нее это плохо получалось. К тому же они оба были не готовы к тому, чтобы терпеть и прощать, идти друг другу навстречу. Начались бытовые ссоры, взаимные измены. Позже Васюков на период первого брака стал смотреть, как на сплошной ужас, как на выжженную степь. Что говорить, и потом было много всякого в его жизни...

Печально, но отойдя от Славика, он потерял и Лиду. Со Славиком он не хотел встречаться, а с Лидой вел долгие мысленные разговоры, особенно, когда было смутно и нехорошо на душе. Особенно дорог ему был один эпизод.

Как-то Васюков возвращался на север в свой университет, чтобы дальше «грызть гранит науки». Дул сильный ветер, смешанный с дождем, нагоняя тяжелое уныние. Вдруг на платформе, где он ждал прибытия поезда, появилась Лида. Договоренности с ней не было никакой, это выглядело как чудо. Они обнялись. Десять минут до отъезда спрессовались в один радостный миг. На прощание она неожиданно поцеловала его в губы. Васюков тут совсем ошалел... Эти проводы отпечатались в нем на годы и годы. В поцелуе Лиды не было страсти или обещания, просто проявление любви в ее незамутненном виде. Сейчас это назвали бы гуманитарной помощью. Удивительно, как точно и вовремя она тогда подросла...

В «сети» неожиданно для себя Васюков нашел довольно много материала о Лиде, в том числе и про ее похороны. Но, увы, ни полслова об отпевании.

В душе его всплывали и накатывали друг на друга разные мысли и воспоминания. То выразительный взгляд Лиды, несущий заряд солнечного тепла, то ее мимолетная озорная улыбка или она – вся такая домашняя – в интерьере, где на безупречный вкус накладывались мелкие бытовые «проколы»

– Может быть, еще ее и сожгли, – подумал он с саднящею горечью. – Это – ужасно! Кто бы мог показать мне ее могилу? Но разыскивать Славика он не стал...

ПРОСТИ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

*Никто не может знать, что разговор,
Прикосновение, диалог глазами —
Сокровище, пока незримый вор
Не украдет его или мы сами
Его не растеряем на пути
И будет поздно говорить «прости».*
прот. Андрей Ткачев

– Как противно, как глупо. Ну, зачем, спрашивается, было туда ехать, – снова и снова грыз себя Андрей. – Глупость какая...

Аллочка, подруга Юры, была невысокого роста, тоненькая, с мальчишеской фигурой. Модная тогда короткая челка делала ее похожей на знаменитую итальянскую киноактрису Джульетту Мазину. Может быть, поэтому в своем кругу ее звали Джельсоминой.

Это была утонченная, очень стильная девушка. Особенно красила ее обворожительная улыбка, временами расцветавшая на лице. Врожденная естественность Аллочки удивительно гармонично вписывалась в пейзажи южного края. Горьковатый миндаль и тягучий изюм, просвеченная солнцем на горных склонах буковая листва – все это, казалось, было создано именно для нее по какому-то специальному заказу...

Теперь о Юре. Молодой человек с открытым красивым лицом. Среднего роста, плотный, подтянутый, с цепким взглядом художника. Он любил хорошие вещи, с большим вкусом одевался. Не терпел банальности, приблизительности и небрежности. Будь-то детали интерьера, предметы искусства или повседневный разговор на кухне. Пустые места, слащавость, патетика, всякого рода «завитушки» вызывали у Юрия аллергию. В карих глазах его тогда появлялся какой-то сухой блеск, борода мерно колыхалась, правая ладонь решительно рассекала воздух и обычную его иронию сменяли довольно жесткие инвективы.

Юра глубоко разбирался в искусстве, особенно в живописи. Он высоко ценил, высоко ставил цельность, творческую свободу, незаурядность. Андрей много нового узнал от него, например, о художнике Ван-Гоге, о его поразительном таланте и несчастной жизни. В годы развитого социализма с его навязчивой идеологией такие вещи были труднодоступны и мало известны.

Стояло лето. Юра уезжал на сессию в Ленинград, где учился на заочном отделении одного института. Алла в то время устроилась на временную работу в живописном месте, расположенном над морем, среди крымских гор. Там находился пункт геофизических и метеорологических наблюдений. Аллочка числилась разнорабочей, она разбирала какие-то ящики, таскала их, снимала показания приборов. Андрей, как и его друг, был тогда студентом, но дневного стационара. Экзамены он уже сдал и был до осени свободен.

– Слушай, – предложил ему Юра, – поезжай к Алле. Там красивые места. Отдохнешь, по возможности поможешь ей. Она будет рада...

Помогать Аллочке было особенно нечем. У Андрея, таким образом, образовался огромный резерв свободного времени. Он часами бродил по окрестностям, читал, точнее, проглатывал книги, предавался мечтам. Труднее всего было по ночам. Опасная близость молодой девушки – каких-то пять-шесть шагов – порождала неудержимую тягу к ней, не давала уснуть. Правда, недалеко, в соседнем помещении, находился пожилой человек. Но, собственно, дело было не в этом обстоятельстве. Андрей ворочался с боку на бок, иногда с его пересохших губ срывались какие-то невнятные звуки, похожие на стоны. Он уговаривал себя, что между ними ничего невозможно. Надо спать, а не мучаться, происходящее только восстание низкой

и гадкой плоти – и все, но ничего не помогало. Похоже, что и девушке было непросто в такой ситуации.

Андрей был абсолютно не готов к предательству друга, даже мысль об этом казалась ему дикой и нелепой. С его стороны не было какой-то внезапно возникшей страсти, да и Аллочка отнюдь не была таким уж легкомысленным существом... Будь это не так, молодой человек пытался бы «подбить клинья» к девушке, сократить дистанцию между ними, чтобы его «ночное бдение» имело хоть какой-то шанс на счастливую развязку. В общем приемы довольно простые: где-то подсесть поближе или взять за руку невзначай, рассказать пошлый анекдот, нести любую чушь, перемежая ее какими-то вольными словцами... Но ничего такого не было и в помине.

Может быть дело в том, что Андрей был эстетом? Одним из тех, о ком сказала Марина Цветаева: «Дитя, не будьте эстетом! Не любите красок – глазами, звуков – ушами, губ – губами, любите всё душой». Нет, пожалуй, дело обстояло еще серьезней и хуже. Разные силы души: ум, сердце и воля не были у Андрея крепко связаны в один узел. Особенно хромала воля, он привык плыть по течению. Вот и приплыл...

Ночи в горах холодные, и Андрей спал в свитере. Аллочка укрывалась двумя шерстяными пледами. Когда Андрей выходил по нужде на воздух, его сознание почти мутилось от ослепительной красоты южного неба, острых уколов звезд. Любимой звездой Андрея, которую он старался отыскать, была Вега из созвездия Лиры. Но часто она пряталась за облаками.

По утрам над землей стоял густой туман, полосы которого постепенно таяли под лучами утреннего восходящего солнца. Тогда открывался удивительной красоты вид на морскую сторону горного склона с его соснами и скальными дубами. Андрей нередко совершал длинные походы. К вечеру трещины и воронки плато, в которых колыхались жесткие метелки ковыли, ясенник, солнцепет и лазурник мелькали перед его глазами нескончаемой вереницей, сливаясь в пестрый ковер.

Неизвестно, о чем думал Юра, посылая своего юного и одинокого молодого друга на помощь Аллочке. Скорее всего, ему и в голову не приходила мысль, что из этого могут возникнуть какие-то серьезные проблемы. Во всяком случае, инфантильный и преданный ему Андрей уж никак в его глазах не представлялся соперником...

Но двадцать лет для парня – очень тяжелый мучительный возраст. Возраст, когда каждая одинокая ночь кажется безвозвратной потерей. К тому же на фоне крымского горного лета, читаемых томиков лирических стихов и грациозной девушки, расцветающей иногда очаровательной улыбкой.

Несколько ночей Андрей бился, как бабочка о стекло. Настойчиво и безумно восставала плоть, дребезжала и кричала, оскорбленная в своих мужских чаяниях. При прежнем чистом и возвышенном отношении ее хозяина к предмету своего страстного ночного притяжения.

Парадокс... Когда-нибудь это страдание должно было кончиться и кончилось, наконец.

Служебный газик увозил их в областной центр. Аллочка, сидя на узкой скамейке напротив Андрея, не смотрела на него. Казалось, в ее отношении к нему лопнула какая-то струна. Это было непоправимо. Андрей ощутил, что по его вине, по его глупости разрушено нечто драгоценное и редкое, вроде японской изящной фарфоровой вазы. Уже не будет в его жизни крепкого рукопожатия Юры, его ироничного подтрунивания и рыцарского благородства. Не будет вместе пройденных троп и дружеской пирушки за бутылкой сухого вина. Не будет блестящих глаз Джелсомины, ее улыбки, которую трудно забыть и трудно описать. Улыбки чайной розы...

Прочувствовав все это, Андрей чуть не завыл по-собачьи. Улучив момент, он стал просить Аллочку о прощении, умолять о нем чуть ли не на коленях. Чего бы он ни отдал теперь, чтобы вернуться назад на несколько дней, отмотать их назад, как ленту магнитофона... Но все было напрасно, бесполезно и напрасно...

Андрей любил заносить в блокнот свои мысли. Спустя многие годы, он с высоты прожитых лет напишет не без самобичевания: умницы, в отличие от тупиц, избегают тупиков, предупреждают их. Они выбирают открытые и чистые пути. Это – залог возможного счастья...

ФОНАРИ СТАДИОНА

*Плещма Своима осенит тя, и под криле его надеешися
Псалом 90*

В последнее время разные беды сыпались на Вадима как из ящика Пандоры. Началось с того, что одной зимой умер от инсульта отец. Ему шел тогда семьдесят пятый год. Возраст, конечно, немолодой, но от этого разве легче...

Перед кончиной отец уже редко подымался с постели, принимал множество сердечных лекарств и донимал маму разговорами о скорой смерти. Это продолжалось очень долго, и, казалось, так будет всегда. Только когда отца не стало, Вадим понял, насколько сильно он был привязан к нему. В душевном его хозяйстве ощутимо сдвинулись целые пласты, и на их месте образовалось какое-то сосущее, ничем незаполненное пространство.

Вскоре Вадим окончательно порвал с женой. Они давно уже жили плохо: во взаимных претензиях и обидах. Иногда и до скандалов доходило. Валя неоднократно изменяла ему, он пытался отвечать ей тем же. Если бы у них не было детей, наверно, все кончилось бы гораздо раньше...

Оставив квартиру жене, Вадим теперь то жил у матери, то снимал где-то комнату у чужих людей. Он не имел навыков самостоятельной жизни: не знал множества практически нужных вещей: не умел нормально стирать, готовить еду. Так что без жены ему пришлось туго. Оказалось, однако, что наладить новую семью – совсем непростое дело.

В одной молодой женщине Вадим почувствовал близкую родственную душу. Их знакомство произошло еще до его окончательного развода. Вспыхнувшее взаимное влечение могло бы иметь быстрое развитие. Но, видать не судьба... Вернее, он сам виноват: оказался неспособным «ковать железо, пока горячо». Ирина жила в другом городе. Надо было лететь туда и завоевывать ее, Вадим же долго медлил и не мог ни на что решиться. А потом пошли серьезные причины промедления: обострение давешнего псориаза, оттепель в отношениях с Валею, наконец, смерть отца... Кончилось тем, что Ирина не дождалась его решительных действий и вышла замуж у себя в Ленинграде. Вадим еще несколько лет тяжело переживал эту неудачу. Как-то написал адресованные ей грустные строчки, естественно, без надежды, что она их когда-нибудь прочтет:

Я знаю – ты поймешь.
Тебе ведь все знакомо:
И сквер, и крик ворон,
И этот тусклый дождь,
Который не идет,
А сеет невесомо...

Окончание стиха было в той же минорной тональности.

Сквер и предзакатный крик ворон (а может грачей?) были атрибутами хорошо знакомого Вадиму пейзажа. Сколько вечеров провел он возле окон на четвертом этаже, выходящих на бульвар у привокзальной площади! В этой квартире жил его ближайший друг Артур с женою Леной.

Артур, которого в их кругу называли Арт, был личностью незаурядной. Обаятельный циник, мастер словесных фейерверков, он вращался в кругах богемы, неформалов советских времен. От крымского масштаба – до московского бомонда и набиравшего силу андеграунда.

Это была как бы естественная среда его обитания, куда он вписывался с неподдельным изяществом.

– Бери сигарету, – говорил Арт, протягивая пачку «Кента».

– Недавно угостил один кадр.

Они закуривали и начинали «трепаться». О городских событиях, книжных новинках, экзистенциализме, Сальваторе Дали, итальянском кино... Говорил, в основном, Артур, Вадим больше слушал. У Арта были весьма тонкие суждения обо всем, в сочетании с неподражаемым артистизмом и все проникающей иронией. С ним бывало безумно интересно...

Жаль только, что необязательность друга превосходила все мыслимые пределы. Ни о каком серьезном деле с ним невозможно было договориться. Уровень надежности близкий к нулю. Бедная Лена, как она от этого страдала! А еще от беспрестанных «левых» выражений супруга. Правда постепенно, кажется, смирилась, или просто устала.

Вадим долго пытался принимать Арта, таким, каков он есть, в общении с ним ни на что не рассчитывать, кроме сиюминутного блеска. Ну, нельзя не в чем положиться на человека, и все тут! Но на фоне свалившихся испытаний не очень как-то получалось. Он постепенно стал отдаляться от Артура, искать других друзей. И все же, оглядываясь назад, Вадим с благодарностью оценит две вещи, точнее два импульса, сообщенные ему Артом.

Однажды приятель вернулся с какой-то южнобережной «тусовки» явно не в себе. С ним произошло нечто, глубоко его поразившее. В те времена только стали выплывать на свет так называемые экстрасенсы со своими «штучками». Все это представлялось тогда ужасно интересным. Артуру довелось в тот раз близко с кем-то из таких людей пообщаться, прочувствовать, что за этим стоит. И эффект был отнюдь не метафизический, а очень даже конкретный... В памяти Вадима не сохранились подробности того разговора, остались только испуганные, с безумными отблесками глаза Арта и его слова: «Да, *это* существует реально!».

И Вадим, и Артур были обычными далекими от веры интеллигентами 80-х годов. Несмотря на большое самомнение, и претензии на «духовность», знания их о религии являлись поверхностными, сильно искаженными. Кроме того, оба друга увлекались восточной философией.

Арт имел сильное влияние на Вадима. И теперь он тоже поверил ему: не столько сообщенным фактам, сколько его испуганным глазам за блестящими стеклами очков и глухим вибрациям голоса. Странная штука произошла тогда с Вадимом: не зная Бога, он уверовал в реальность злой сознательной силы, гнездящейся в душах людей. Как будто получил доказательство некоей теоремы от противного. До того дня зло было для него только моральной категорией и не более того. Не более...

Испытания Вадима продолжались. Ни в личной жизни ничего не складывалось, ни в работе. Он писал кандидатскую диссертацию, не раз ее доделывал и переделывал, но все не мог завершить. И работа вроде была хорошая, но какие-то части из нее постоянно «выпирали», оказывались неуместными, а чего-то существенного не хватало. В результате никак не получалось выйти на защиту.

Через несколько лет после смерти отца тяжело заболела мать. Однажды в больнице, лечащий врач, женщина средних лет, как-то очень внимательно посмотрела на Вадима. И после нескольких незначащих фраз сказала прямо:

– У Вашей матери уже пошли метастазы. Медицина здесь бессильна. Ей осталось жить совсем немного.

У мамы Вадима было здоровое, тренированное сердце и большущая воля к жизни. Она прожила еще почти год...

Артур был профессионалом в области фотографии. В один из тех дней он сфотографировал Вадима на фоне полуразрушенной стены. Длинный мешковатый плащ, сигарета во рту, тоскливая безнадежность во взгляде. Получилась цельная композиция в духе их любимого

журнала «Чешское фото». Арт свое дело знал. Через двадцать лет, наткнувшись на этот снимок, Вадим порвал его на мелкие части и с облегчением выбросил в мусорное ведро.

По почину Арта он начал бегать. Сначала понемногу, потом постепенно втянулся в это нехитрое дело. «Джоггеров», кстати, тогда появилось немало на обочинах улиц. Поветрие что ли пошло такое... Вадим предпочитал вечернее время или начало сумерек. Случалось, бегал в обширном Воронцовском парке вместе с Мишей – приятелем по работе. Этот старый парк был тогда, заброшенный, не окруженный забором. О некогда славном прошлом напоминали только поколупанные мраморные львы у бывшего княжеского дома. Исчезала игра светотеней. Тянуло свежестью от протекавшей неподалеку реки. Рассыпанные подробности веток и листья пирамидальных тополей собирались в насыщенные темнеющие купы, понемногу глушили душевную боль, действовали как наркоз.

Вадим любил слушать записи Окуджавы, особо нравилась ему песня Булата про «трех сестер милосердия». Средняя из них – Надежда – первая протянула ему руку помощи. После того как Миша сильно поранился, зацепившись вечером за какую-то проволоку, Вадим стал прибегать на стадион «Динамо» и выписывать круги по его гаревой дорожке. И в этот раз стояли обычные летние сумерки – ничего особенного.

Небольшой стадион был знаком ему издавна. Когда Вадим еще учился в школе, сюда нередко приводил ребят на уроки физкультуры их учитель Михаил Хананович. Маленький, круглый еврейчик средних лет, очень живой и смешной – он был похож на взъерошенного воробышка. Нередко, по дороге на стадион, Вадим ухитрялся ненадолго заглянуть домой. Как-то, кажется в классе шестом, он «стучался» здесь со своим одноклассником Толей. «Стучаться» – это было нечто серьезное, вроде дворянской дуэли, не просто тебе обычная для школьных будней короткая потасовка...

Итак, стадион был для Вадима до мелких черточек свой, почти как двор его детства. Теперь он накручивал обороты вокруг арены «Динамо», пытаясь довести себя до физического изнеможения. В этом состоянии ему чуть-чуть легчало. Зачем-то бедолага вел счет кругов, как делают в монастырях, перебирая четки. Казалось, он жаловался стадиону на свою горькую долю, взывал к его сочувствию и состраданию...

И вдруг – произошла непонятная вещь. Вадим отчетливо увидел, как на противоположном от него конце дорожки загорелся фонарь на столбе. «Почему так рано? – пронеслось в его голове, – и почему только один горит, а не все?». Он продолжал свой бег, краем сознания отмечая, что фонари передают эстафету друг другу: один гаснет, а за ним зажигается следующий. В другой раз, в другом состоянии, возможно, он стал бы искать случившемуся естественное объяснение: скажем, мираж какой-то привиделся. Такое ведь случается... Однако сейчас подобные объяснения не принимались в расчет, отметались без всякого сомнения. Видимо оттого, что было в этом «мираже» нечто ласково-успокоительное, какая-то тихая, но властная сила, потеснившая из его существа пустоту безнадежности и глухую, давящую боль, сжимавшую сердце. Вадим ощутил и воспринял это душой. В тот час его сознание было подобно телу иудея, «впадшему в разбойники». Добрый самарянин возливал елей на кровоточащие раны, а несчастный ничего не видел и не слышал, только всем нутром своим впитывал облегчение своих мук...

Через два года Вадим уехал из родного города. О фонарях стадиона «Динамо» он никому не рассказывал.

ТАК КАК ДОЧКА КАПИТАНА

В «группе» Валентину было хорошо. Наверно, впервые в жизни он обрел душевное равновесие и радостное мироощущение. Казалось, он нашел то, что безуспешно и мучительно искал долгие годы. Занятия требовали напряжения всех сил и полной самоотдачи. Тренером, или скорее «гуру», была женщина-врач лет тридцати с небольшим. Светленькая, среднего роста, хорошо сложенная она выглядела моложе своего возраста. Звали ее Елена. Внешность Елены не отличалась чем-то необыкновенным. Вот разве что в глазах ее, если приглядеться, было нечто особенное. Вдумчивое, доброжелательное внимание в сочетании с почти «хирургической» точностью. Глаза явно были намного старше, чем их хозяйка. Таким глазам могло быть и тысяча лет...

Валентин познакомился с Еленой в каком-то клубе, после лекции по входившей тогда в моду соционике. Трудно сказать, чего его туда занесло... Они разговорились. В молодой женщине угадывалась некая потаенная сила и сокровенная глубина. Валентин открыл ей, что занимается йогой, серьезно интересуется восточной философией и религией. Елена внимательно слушала его, слегка наклоняя голову, и при этом, видимо, оценивала своего собеседника. Можно сказать, путем каких-то «математических» расчетов просканировала его на глубинном уровне. Экзамен прошел успешно – Валентина пригласили в «группу».

То были еще советские времена, и поэтому соблюдались определенные меры предосторожности. Хотя, при такой зоркой руководительнице сотрудники бдящих органов не представляли особой угрозы. Похоже, что парочка наблюдателей была в группе, но они не сильно мешали. Возможно, их направил туда по дошедшему до него сигналу кто-то мудрый и впередсмотрящий из гэбэшного начальства. Направил с двойкой целью: для соглядатайства, а заодно и повышения квалификации.

В «группе» было около двадцати человек разного возраста, в основном – женщины. Обычно не весь состав собирался на занятия: кто-то исчезал, кто-то появлялся. Подход ко всем у Елены был индивидуальный: каждому давалось задание по его физическим и духовным силам. Как правило, собирались на лоне природы, где-то возле Реки, в красивых уединенных местах. Таких мест было несколько.

В занятия входили бег, упражнения хатха-йоги и совместные медитации, существенную часть их составляли также лекции-монологи Елены и беседы. Иногда преобладало одно, иногда – другое. Ядром, вокруг которого строилось все, являлось учение Рерихов. При этом акцент делался не на определенных знаниях, они играли сугубо вспомогательную роль. Елена стремилась привить каждому навыки контроля и гармонизации пяти его «оболочек»: от грубых до весьма тонких структур.

– Вы должны быть постоянно настроены на высокую, светлую волну, готовы к восприятию высших вибраций, – говорила Елена. Как-то она рассказала о Кругах.

– Это довольно упрощенная схема. В определенном возрасте, а иногда на протяжении всей жизни, каждый человек принадлежит известному Кругу. Круг D – полный эгоизм и чисто материальные, «животные» интересы: еда, секс и т. п. В центре мира – мое «Я». Круг A, когда главным в человеке, определяющим его поступки, является высшее начало: уже ни его родные и друзья, ни работа, ни нация, ни даже Земля, но Небо. Между этими полюсами находятся два других Круга – B и C.

– Важно оценить, с кем имеешь дело. И подумайте, куда относитесь Вы...

Нужной литературы было тогда очень мало, редкие книги стоили безумно дорого на черных книжных рынках. Отдельные журнальные публикации передавались друг другу, перепечатывались на пишущих машинках.

– Чтобы продвинуться вперед, очень от многого в жизни надо отказаться, отсечь от себя – говорила Елена.

– Не смотрите пустые, развлекательные телевизионные программы, не впитывайте грязные эманации насилия, злобы, блуда, не вникайте в чужие дразги. В ментальной области, говорила она, – не должны присутствовать масса мелких «насекомых», или пресмыкающихся, ползущих в разные стороны. В каждый момент мысль допустима только одна: чистая, ясная, крупная...

По ходу занятия Валентин постепенно отрывался от неизбежного повседневного колдования. Душа его как бы распрямлялась, обретала естественную свободную оболочку. Он почти летел, легко перепрыгивая через гладкие камни и небольшие неровности почвы, пересекая широкие поляны, заросшие высохшей желтой пижмой, иногда уклоняясь, куда либо в сторону, иногда обгоняя впереди бегущие спины. Проплывавшие мимо высокие березы шумели кронами на фоне по-осеннему светлых облаков.

– Вы не должны чем-либо выделяться среди других. Отличие ваше, при всей его глубине, должно быть скрытым и потаенным – учила Елена. – Одежды надо иметь немного, но все – высокого качества. И показывала пример своим обликом, воспитанием, манерой речи.

Если кто-то приходил в «растрепанном» несобранном состоянии души Елена могла удалить его, не допустить к общению с другими.

– Уходи, пожалуйста, не мешай нам...

Каждое занятие она начинала, подобно опытному дирижеру на репетиции. Для успешной совместной работы ей было важно добиться настройки своего небольшого оркестра: синхронизации общей «ауры». Причем слова, произносимые Еленой, явно были только надводной частью айсберга...

– Никогда не стройте жестких планов на будущее – они бесполезны, – говорила Елена. – Если будете правильно подвигаться, всегда в нужный момент сможете ввести коррективы в свои действия, получите подсказку. Важно быть готовым увидеть и услышать.

– Следует быть щедрым, но не расточительным. Только на духовный рост давать условно, всегда – ничего не жалеть...

Через некоторое время Валентин иногда стал общаться с Еленой на расстоянии. Он воспринимал *это* как серебристый ручеек какой-то энергии идущий от нее в его душу. О телепатии много тогда писалось. Но одно дело околонучные разговоры и разгоряченный интерес любителей чего-то «магического», другое – реальный внутренний опыт... Валентин относился к этому спокойно. Не очень он удивился и тому, что стал иногда видеть ауру растений и цветов, ощущать незримо свои внутренние органы и части тела. В то же время его постоянно атаковала разная нечисть. Записи сновидений, которые предложила вести Елена, пестрели разнообразными видами козней и внедрений злых сил в его сознание.

Особенная история произошла с Валентином после одной поездки в Москву. Знакомая из «группы», человек незаурядный и интересный, связала его с известным московским поэтом Ольгой С. Благодаря этому, Валентин попал на творческий вечер, проходивший в Центральном доме работников искусства (ЦДРИ).

Собрались в тот раз сливки столичной интеллигенции: литераторы, музыканты, актеры, ведущие тележурналисты. Была общая атмосфера непринужденности, праздника, фейерверка остроумия, свежих мыслей и новых идей. Валентин жадно впитывал это цветущее многообразие, как человек, неожиданно попавший в оазис, о котором и не мечтал. Кажется, никогда ранее в жизни он не был так счастлив, так полон плещущей через край «роскошью общения»...

И тут его подстерег змей в человеческом образе. «Змей» был безусловно одет: при вытуженном костюме и модном галстуке, но сущий аспид. Валентину стало так плохо, как будто его реально ужалила ядовитая гадина. Наваждение продолжалось и ночью, от него не было никакого спасения. Он чувствовал, что погибает.

Вернувшись в свой город, Валентин сразу связался с Еленой. При встрече она была со своей близкой ученицей, можно сказать «коллегой».

– Ты видишь, какие центры у него поражены? – обратилась она к подруге.

– Да, вижу, тяжелый случай...

Валентин испытывал тягостное чувство незадачливого пациента, которого профессор демонстрирует практикантам. Однако основное лекарство «профессора» оказалось выбрано безошибочно: продолжительный пост и регулярное посещение одного славившегося строгостью монастыря. Удивительно, но это сработало!

Конечно, обстановка православного храма, была совершенно иная, чем в «группе»... Народ сюда приходил простой: по большей части скромно одетые старушки. Изредка мелькали молодые лица с ясными глазами. Все давалось здесь Валентину тяжело. Было скучно являться лишь наблюдателем определенного «действия», а не его участником, томительными казались многочасовые стояния, но он старался, очень старался...

Валентин вскоре понял отличие молитвы от медитации. Здесь тоже нужно было трудиться, чтобы чего-то достичь, но «трудиться» иначе. Это был другой путь и другой мир, дотоле неизвестный ему.

Прошло несколько лет... Благодаря Елене в жизни Валентина произошли резкие перемены. Она помогла ему сделать один важнейший решительный шаг, тяжелый, но абсолютно необходимый для его дальнейшей судьбы. Шаг, определивший его будущую жизнь, а потом... потом отошла в сторону, предоставив ему выплывать.

Валентин уже не ходил в «группу» и хотя покрестился, но еще далеко не стал верующим церковным человеком. Они договорились встретиться по деловому вопросу: Елена должна была принести долг. Ожидая встречи, Валентин находился в состоянии раздвоенности. Вспоминалась недавняя поездка в Оптину пустынь, Всенощное бдение во Введенском храме. Как он стоял перед Казанской иконой, а лучистый взгляд Богородицы, казалось, прожигал что-то в глубине его души, его сердца... Еще вспоминались слова одного послушника о том, что у Рерихов нет самого главного – нет покаяния. Да, теперь он четко проникся мыслью, точнее образом букета, стоящего в вазе, у которого подгнили основания стеблей. Этот букет – сам человек, его душа, сотворенная Богом. Перебирал он в памяти и свои возникшие «несыковки» с Еленой: ее терпимость к личности Блаватской, лояльность к мантрам и белой магии.

И все же, и все же всплывали в сознании незабываемые эпизоды «занятий»: то чудные картины природы, то бережные и точные слова наставлений Елены. А еще – возникавшее удивительное чувство полной гармонии, возвышенные, светлые состояния души, пережитые в «группе». Тогда ему становилось невыразимо грустно. К тому же и предчувствие верное возникло, что теперь он снова будет болеть и скоро не сможет бежать вдоль Реки так, как прежде: будто лететь...

И вот – они встретились. Разговоров особых не было. Елена отдала Валентину солидную пачку советских купюр: денег, взятых на покупку дома. Честно отдала долг, хотя несомненно знала, что эти деньги скоро пропадут, превратятся в бумагу. Они обменялись взглядами. У Валентина прямо заныло, защемило что-то в груди...

– Запиши телефон, – на прощание сказала Елена.

– Ее зовут Татьяна. Через нее ты, если захочешь, сможешь связаться со мной. Возьми ручку... Валентин второпях вытащил свою белую записную книжку, открыл ее где-то посередине и нацарапал продиктованные цифры.

Через несколько дней он собрался позвонить. Но, найдя нужный номер, обратил внимание на текст, расположенный над ним. То были выписанные из свежего московского журнала бессвязные строчки поэта – обэриута Александра Введенского:

Звали первую светло,

А вторую – помело.
Третьей прозвище Татьяна,
Так как дочка капитана...

Это была явная подсказка. Один из тех знаков, различать которые научила его Елена. Валентин положил трубку.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ ПЕРЕД УХОДОМ

В молодости на своих фото в тридцатилетнем возрасте Нина была просто красива. Не броской красотой модели, но спокойной и ровной безупречностью пейзажа, отраженного в плавных, медленных водах. Она и теперь была еще хороша. Правда, зрелые годы выдавали ее руки и – никуда не денешься – мелкие морщинки, появившиеся на лице.

Все, что делала Нина, у нее получалось легко и свободно, причем в совершенной форме. Это особо восхищало в ней Сутурина, хотя придавало его чувству к ней оттенок эгоистического комфорта. Еще он высоко ценил душевную деликатность Нины: умение, окружая заботой и теплом, соблюдать дистанцию, не посягать на его личное пространство. Несомненно, ее поздняя безоглядная любовь была глубже и уязвимее, чем у него, еще не достигшего сорокалетней черты, но имевшего уже изрядный опыт разочарований и разлук. Впрочем, что тут мерить – это ведь не сила тока...

Теперь была самая пора уходить. После тяжелого решения, принятого Сутуриным, их пути расходились. Ему надо было забрать к себе сына от первого брака, попытаться его выправить, спасти. Ее, никак не ожидавшую подобного шага, нельзя было этим грузить.

– Я улетаю на десять дней на Алтай, – сообщила Нина.

Она была известной в стране спортсменкой, организатором лыжных походов высшей категории сложности. Богатая гамма чувств отобразилась в ее карих глазах. Преобладала боль. Можно было ничего не добавлять, итак понятно...

Незаметно пролетела неделя. Сутурин упаковал свои вещи: белье, книжки, любимые пластинки, а также пару картин и красивую посуду – часть родительского наследства, сохранившуюся у него при нескольких переездах. Никто ему не помогал. В этом городе у него не было своих друзей, только общие с Ниной.

С грустью он осмотрел убранство квартиры, богато обставленной, всегда идеально чистой и проветренной. А главное, наполненную особой аурой щедрой самоотдачи, внутренней собранности и изящного вкуса. Безупречной, как ее хозяйка. На прощание Сутурин погладил ладонью уральскую малахитовую вазу, прошелся бегло по клавишам рояля.

Накануне он нашел, наконец, жилье для будущего обитания. Большую комнату в квартире многоэтажного дома. Дом этот находился в спальном районе, за Днепром, в часе езды от центра. Других готовых вариантов не было.

Хозяйка квартиры, женщина средних лет с безцветной внешностью и усталым от жизни лицом особой симпатии не вызывала, впрочем, как и негативных эмоций. У нее был муж или сожитель, в эти детали Сутурин не углублялся. Вот этот тип ему сразу не понравился. Но все по порядку. Сначала надо было найти машину для переезда. Нормальные люди такие вещи делают по телефону. Нашему герою почему-то это не пришло в голову. Однако, спустившись во двор, он обнаружил стоящий пустой мебельный фургон.

– Поможете перевезти вещи? – спросил Сутурин чернявого усатого шофера.

– А куда?

– На Троещину.

– Ну, давай, только по-быстрому...

Значит все правильно, – решил Сутурин. Так просто подобные вещи не происходят. Он не был тогда твердо верующим человеком, но правильно усмотрел здесь явную помощь свыше.

Район, где ему предстояло жить, Сутурин немного знал. Это был квадрат Малевича, возведенный в кубы безвкусицы: безутешное пространство грубо размалеванных высоток.

– Ничего, прорвемся..., – звучало внутри. – Пережили блокаду – переживем и избытие... Так отвечали ленинградцы в известном советском анекдоте.

Итак – вот она его новая обитель. Вещи сгружены на полу в один угол. В коридоре не было света, видно лампочка перегорела. И, похоже, далеко не вчера, а запасных не имелось. Комната, предназначенная Сутуруину, была просторной и обставлена довольно прилично. Только жить в ней не очень хотелось. Присутствовала какая-то неявная грязь. То ли от случавшейся здесь ругани и промелькнувших клубов табачного дыма, то ли еще почему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.